

А.П.ЧЕХОВ, ЛИЧНОСТЬ И ХУДОЖНИК В ВОСПРИЯТИИ ИВАНА БУНИНА (140 лет со дня рождения А.П. Чехова, 130 лет со дня рождения И.А. Бунина)

Невероятную сложность и трудность проблемы адекватного восприятия А.П. Чехова, как человека и художника, его современниками и особенно последующими поколениями читателей Бунин осознал сразу же после кончины старшего собрата по перу: "Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонний человек написал книгу жизни и творчества этого "несравненного", по выражению Толстого, художника" [1, с. 163]. И в последующие годы неоднократно констатировал: Чехов "и до сих пор не понят как следует: слишком своеобразный, сложный был человек" [1, с. 197]; "Чехова до сих пор по-настоящему не знают" [1, с. 217].

По мнению М.П. Чеховой, с задачей верно истолкования личности её брата, его биографии лучше всех мог справиться именно Бунин: "Лучше его никто не напишет, он очень хорошо знал покойного, понимал его и может беспристрастно к этому делу приступить (из письма к П.В. Быкову от 20 мая 1911 г., 660). Бунин же, который одним из первых отозвался на кончину Чехова очерком (24 октября 1904 года читал его в Обществе любителей российской словесности; опубликовал очерк "Памяти Чехова" в 3-м сборнике товарищества "Знание" за 1904 г., издан в 1905 г.), а впоследствии в 1914 – 1915 гг. дополнял и корректировал свои материалы о любимом писателе, к созданию большой книги о нём приступил только в конце творческого пути, в начале 50-х гг. К сожалению, книга осталась незавершённой. Особенно фрагментарна вторая её часть, содержащая выписки из свидетельств о родословной Чехова, сохранившиеся в памяти его монологи, реплики в диалогах, штрихи портрета, краткие заметки, выраженные в одном предложении. Очевидно, Бунин готовил основательный труд о Чехове, наподобие созданной в 20 – 30-е гг. книги "Освобождение Толстого".

Посмертно изданная В.Н. Муромцевой-Буниной книга супруга "О Чехове" (Нью-Йорк, 1955) – вот уже почти полвека в научном обиходе. С её положениями считаются чеховеды и буниноведы. Она частично прокомментирована и в воспоминаниях супруги писателя В.Н. Муромцевой-Буниной "Жизнь Бунина" (1958, 1989), книге известного биографа писателя А. Бабореко "И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917)" (1967, 1983), её материалы использованы в обстоятельном исследовании В. Гейдеко "А. Чехов и Ив Бунин" (1976, 1987), монографиях Г. Бердникова (А.П. Чехов, Ростов/нД.: Феникс, 1977), В. Рынкевича ("Путешествие к дому с мезонином", М., 1990), статьях А. Бабореко [2], А. Барковской [3], В. Гольдина [5], И. Газера [4], В. Лакшина [6, с. 450]. Э.А. Полоцкой [7] и др. работах.

Однако потенциал текста бунинской книги "О Чехове" неисчерпаем, каждому новому поколению исследователей она помогает открыть новые грани в духовном облике и творческом наследии обоих художников, вписать хотя бы абзац, хотя бы даже строчку в ту ещё далеко не дописанную книгу жизни и творчества Чехова, о которой мечтал Бунин, а следовательно, и в книгу о нём. Цель этой статьи – прояснить суть концептуального видения Буниным Чехова, чело века и художника, ту роль, которую приобрела "чеховская" книга в творческом наследии мемуариста.

В подтексте этой книги пульсирует мысль – Чехов блестяще завершает уходящий "золотой" век литературы и энергично, напористо как реформатор общепризнанных традиций "дворянского" века литературы вписывается в новый её модернистский "серебряный" век. В данном случае термин "модернизм" не связывается только с литературой символистской и постсимволистской, а и с тем обновлением реализма, которое блистательно совершили прежде всего Бунин, Андреев, Куприн, Вересаев, отчасти Зайцев, Ремизов. Причём у Чехова начало обновления, реформирования литературы исполнено изящно, в обход кричащих крайностей как реализма XIX, так и манифестов и формальных изысков символизма и постсимволизма. Демократ по рождению и воспитанию (правда, за литературные заслуги высочайшим указом ему было пожаловано звание потомственного дворянина), образу жизни, Чехов усомнился в демократическом векторе литературы XIX века, переоценил многие её стереотипы: идеализацию народа, поиски "общей идеи", пристрастную проповедь такой идеи, отношение к маленькому человеку, идееносительного героя, тенденции сюжетосложения, стилевые и жанровые традиции. Короче, подготовил то, что стало определяющим в "элитарной" по мировидению литературе "серебряного" века – творчестве самого Бунина прежде всего, его ровесников-реалистов и прозаиков-символистов Ф.Сологуба, А.Белого, исподволь обновлял характерологию, сюжетосложение, стиль. Энергично поддержали художника-новатора его младшие современники, хотя многих из них – особенно Андреева и символистов – Бунин, зачисляя в свои союзники Чехова, оценивал весьма критически. Восприятие этой новой, создаваемой Чеховым художественной литературы требовало от читателей, чей вкус формировал золотой век, другой, не побоимся сказать, элитарной культуры. Её отсутствие – причина недопрочтения текста как чеховского, так и его последователей, дающая знать о себе и в наши дни...

Бунин не просто фиксирует наиболее значимые эпизоды своего общения с классиком, его монологи, реплики, манеру говорить, реагировать на мир, работать, шутить за без малого десятилетие общения (встретились и лично познакомилась писатели в конце 1895 года в Москве), постоянно напоминает об отношении Чехова к нему, делится своей оценкой его произведений, энергично опровергает недалёкие, ложные характеристики Чехова современниками, но и пытливо как художник исследует целостный феномен Чехова – от родословной и даже фотографических портретов его до микродеталей его экзистенции, первоэлементов художественного стиля.

В родословной Чехова для Бунина важны и биологические, иначе сказать, генетические, и социальные основы. Отдельные свойства натуры писателя мемуарист объясняет не только особенностями местности, где родился и где прошло детство ("уездный город" на берегу мелкого Азовского моря); "характер этой скучной страны немало... способствовал развитию его прирожденной меланхолии"; [1, с. 147]), но и врожденными, биологическими причинами. По Бунину, "печальная, безнадежная основа характера" Чехова "от того, что в нём довольно много какой-то восточной наследственности" [1, с.147]. В лицах простонародных

родных его – “несколько косые и узкие глаза и выдающиеся скулы”. Да “и сам он делался с годами похож на них (родных. – В.Л.) всё больше и состарился душевно и телесно очень рано, как и подобает восточным людям”. И далее: не одна чахотка “была причиной того, что будучи всего сорока лет, он уже стал похож на очень пожилого монгола своим желтоватым, морщинистым лицом” [1, с.147]. Этой наследственной черте в облике писателя Бунин придавал очень большое значение. “Монгольское у матери... и у самого Чехова” – не только признак быстрого старения, но и признак необузданного, своенравного начала, предпосылка той самостоятельности, которая с детских лет отличала будущего писателя. Дикое, грубое это начало у предков Чехова: “Женщины широкоскулы, рты без губ, – монголки. Дед, бабка, мать, отец, дядя Чехова – все мужики, и все широкоскулые. Просто страшно смотреть – особенно проживши больше тридцати лет в Европе. Нижняя челюсть дяди. Грубость поразительная. Отец приличнее, но нижняя челюсть почти как у дяди” [1, с.192].

Противостояние биологически наследственному, грубому, монгольскому, волевое начало, сказавшееся в жизнестойкости Чехова, определившее духовную суть его личности, Бунин находит в социальной истории, биографии его предков. Характеристики рода, резко контрастные только что упомянутым, даны в фрагментах второй части книги: “Удивительная у него родословная. Крестьянский род, талантливый, явившийся с севера” [1, с.213]. Бунин дотошен к социальной истории предков Чехова со стороны отца и матери. По отцовской линии – они пришли с севера, в XVII обосновались в селе Ольховатка Острогжского уезда Воронежской губернии. По материнской – бывшие крепостные Морозовы. Прадед выкупился на волю вместе с младшим сыном Яковом, будущим родным дедом писателя. От предков со стороны матери и предрасположенность к чахотке... [1, с.213-214].

Это волевое начало, сказавшееся в преодолении престолярности, грубости унаследованных черт, Бунин обнаруживает в “динамике” портретов писателя. Так, во время первой встречи в Москве (декабрь 1895 г.) мемуарист “увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, стройного и очень лёгкого в движениях” [1, с.156]. Весной же 1899 г. в Ялте Бунин нашёл Чехова сильно изменившимся: “похудел, потемнел в лице; во всём его облике по-прежнему сквозило присущее ему изящество” [1, с.158]. Комментируя перемены в облике Чехова, Бунин объясняет их духовным ростом писателя: “Это было изящество... много пережившего и ещё более облагороженного пережитым человеком” [1, с.158].

Особенно красноречив в этом смысле – движение к совершенству, элитарности – анализ Буниным фотографических портретов, иконографии Чехова, предваренный обобщающим наблюдением, своего рода “перспективой”: “У Чехова каждый год менялось лицо”. Этапы этого “становления”, “облагораживания” лица: “В 84 году: мордастый, независимый; снят с братом Николаем, настоящим монголом... В 92 году: типичный земский доктор. В 97 году: в каскетке, в пенсне... А потом: какое стало тонкое лицо!” [1, с.215]. По наблюдениям мемуариста, портреты Чехова всё очевиднее с возрастом представляли его как интеллигента, человека элиты, аристократа духа. Это качество духовности Чехова, кстати, названо [1, с.164]. На протяжении всей книги заметно любование тем особым мужским стилем поведения, который отличал будущего реформатора отечественной литературы с самого детства. Начальный фрагмент книги завершается констатацией (со слов матери и сестры писателя), что Чехов не плакал “никогда в жизни” [1, с.147]. Эта характеристика уточняется, дополняется в последующих фрагментах: не жаловался на судьбу, на безденежье, болезни. “Чаще добрым и

улыбающимся, чем хмурым и раздражённым” видел мемуарист Чехова “в течение четырёх лет... близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость” [1, с.172]. Чувство собственного достоинства, мужской самостоятельности в Чехове заметны с юных лет. Бунин цитирует письмо семнадцатилетнего Антона к младшему брату Мише: “Ничтожество своё сознавай знаешь где? Перед Богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми, среди людей нужно сознавать своё достоинство” [1, с.149].

Чувство достоинства, личной независимости, самоуважения Бунин прослеживает в личности, образе жизни, манерах, даже быте любимого писателя. Так, он “с шестнадцати лет жил среди чужих, зарабатывая себе на хлеб” [1, с.147]. Разве такое можно сказать о подростке в наши дни? Мемуарист не соглашается с теми, кто называет Чехова скромным: “Он знал себе цену, но этого не показывал” [1, с.198]. Откровенным он был только с людьми достойными, глубоко уважаемыми им, – с Сувориным, иногда с Буниным. Во всех жизненных ситуациях, во взаимоотношениях с людьми, Чехов являл образцы человеческого достоинства: “человек редкого душевного благородства, воспитанности и изящества в самом лучшем значении этих слов, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простоте, чуткости и нежности при редкой правдивости” [1, с.163]. Чехов никогда, ни в чём, даже в мелочах не давал себе поблажки: “Никогда... не видел его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто: [1, с.172]. И ещё: “мало ел, мало спал, очень любил порядок. В комнатах... удивительная чистота, спальня... похожа на девичью. Как ни слаб он был порой, ни малейшей поблажки не давал он себе в одежде” [1, с.172].

В своей экзистенции Чехов явил редко встречаемый в тогдашней жизни образец демократизма. Литература “золотого” века искала “общую идею” и учила человека подчиняться ей, быть зависимым от неё, не свободным по большому счёту. Чехов же в человеческом общении предпочитал ни от кого не зависеть, ни перед кем не заискивать, не взирать на ранги: “со всеми он был одинаков, никому не оказывал предпочтения, никого не заставлял страдать от самолюбия, чувствовать себя забытым, лишним” [1, с.172]. Демократизм Чехова – не в ориентации на простонародную “правду”, что было характерно для литературы “золотого” века, а в осознании равенства и одинаковой ответственности всех за ход жизни в России. Обоснование этого – редкое для русской жизни и для дочеховской литературы чувство личной свободы, которым отличался новатор - человек и писатель, “не терпевший, чтобы и других лишали её, и становившийся даже резким и прямолинейным, когда видел, что на неё посягали” [1, с.163].

К означенной модели ценностных ориентаций Чехов шёл исподволь, обуздывая, ограничивая свою натуру. Эту модель он определил, “будучи двадцатилетним врачом”, в письме к брату Николаю, где речь велась об условиях, точнее, целях воспитания. Константы этой модели: уважение человеческой личности (следовательно, осознание личностью себя прежде всего), чужой собственности (речь, видимо, не только об уплате долгов, но и о неприятии революционного “пердела” её), правдолюбие (“не лгут даже в пустяках”), уже упомянутое чувство собственного достоинства, в общении – снисходительность, мягкость, вежливость, уступчивость, презрение к суетности, стремление к прекрасному (“воспитывают в себе эстетику”), у мужчин особый культ женщины (“от женщины не постель... а... свежесть, изящество, человечность, способность быть... матерью”). Если же человек талантлив, то должен ответственно относиться к этому. Чтобы соответствовать означенной модели человека, “нужны непрерывные дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля” [1, с.151].

Соотнося эти ценностные ориентации только с формированием и становлением личности Чехова ("можно понять, как А.П. сам себя воспитывал, как он был строг к себе"; [1, с. 151]), Бунин, к сожалению, как и другие, не делает следующего шага. Ведь означенная модель – та идеальная высота, с которой Чехов судит своих современников не только в жизни, но, главное, в своём художественном творчестве. Она в подтексте, как пока не достижимая, характерологии. Даже самые светлые чеховские герои не добрали той или иной константы из этой модели. Старому профессору из "Скучной истории" явно не хватает чувства собственного достоинства, личной свободы, того же и изящества доктору Дымову ("Попрыгунья"), владыке Петру – выдержки во взаимоотношениях с невоспитанными и недалёкими просителями ("Архиерей").

Чехов-человек не только преодолел расхожие нормы экзистенции обывателей, но очень часто моделировал свой образ жизни даже вопреки разумному здравому смыслу. Полемизируя с З.Гилпиус, которая эпитетом "нормальный" характеризовала и личность, и творчество Чехова [1, с. 199], Бунин констатирует, что очень часто Чехов поступал вопреки даже самой разумной житейской норме: "Разве при его состоянии здоровья нормально было предпринимать путешествие на Сахалин? Разве нормально было так легкомысленно относиться к своему кровохарканью, как он относился с 1884 года, а в 1897 году, несмотря на болезнь, поехал в Москву, чтобы повидаться с Авиловой... [1, с. 200]. (Авилова, писательница, по мнению мемуариста, единственная настоящая любовь Чехова. Почему не соединились их судьбы – Бунин объяснил; [1, с. 201-203]). Бунин полагает, что ненормально было "его (Чехова) вечное стремление куда-то ехать при его болезни" [1, с. 200]. Так, во время русско-японской войны Чехов пытался попасть на Дальний Восток – "и не корреспондентом, а врачом!" [1, с. 200]. Более того, медленным самоубийством была женитьба на О.Л. Книппер: "частые разлуки, вечное волнение уже за двоих – Ольга Леонардовна была два раза при смерти в течение трёх лет брачной жизни" [1, с. 200].

В аномальном поведении Чехова – традиционный экзистенциальный вектор российского писателя. Удивительно то, что большой Чехов, проживший короткую жизнь, преуспел гораздо больше других: "Поездка на Сахалин, книга о нём, работа во время голода и во время холеры, врачебная практика, постройка школ, устройство таганрогской библиотеки, заботы о постройке памятника Петру в родном городе – и всё это в течение семи лет при развивающейся болезни!" [1, с. 201]. Это, по мнению Бунина, снимает все упреки и в адрес Чехова по поводу якобы его беспринципности. И объясняет причину этих обвинений – Чехов был вне партий, а это в России "не прощалось" [1, с. 201].

Очень часто мемуарист касается литературных симпатий Чехова. Отношение к настоящей литературе у него было равнодушным, пристрастным, что выражено в бунинском эпитете: "горячо любил литературу, и говорить о писателях, восхищаться Мопассаном, Флобером или Толстым – было для него истинным наслаждением" [1, с. 160]. Особенно восторгался "Таманью" Лермонтова, по-художнически завидуя: "Вот бы написать такую вещь, да ещё водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!" [1, с. 160]. Ценил Чехов Добролюбова и шестидесятников: "это же порядочные были люди". Уважительно относился к Гаршину, из современников привечал Елпатьевского, Куприна, Телешова, Найдёнова ("прирождённый драматург, с самой что ни есть драматической пружиной внутри", [1, с. 181], Горького, Дорошевича, в особенности же автора мемуаров (неоднократно цитируются чеховские оценки произведений Бунина), немецкого драматурга Гауптмана. В отличие от Бунина в основном непредвзято относился к модернистам: "какие они декаденты... Они здоровеннейшие мужики, их бы в

арестантские роты отдать; [1, с.210]. Он предвидел возможность их "выздоровления". Бунин по отношению к декадентам не жалел критического яда [1, с.210].

Больше всего Чехова привлекали художники-жизнелюбы без ярко выраженной идеологической тенденции, за исключением Толстого. В последнем Чехов ценил прежде всего не вероучителя, а могучего человека ("как всегда... восхищался ясностью его головы"; 1, с.177) и художника (любил читать роман "Воскресение"), "за жизнь Льва Николаевича очень боялся", когда тот находился на излечении в Крыму [1, с.179]. Бунин опровергает одно из суждений Чехова о Толстом, как неверное. Не свысока смотрел Толстой на своих младших современников, а, по мнению сына гения, на которое ссылается мемуарист, с почитанием и обожанием [1, с.177].

Чехов не разделял мировидение, пафос творчества Короленко – "чересчур благороден" [1, с.195]. Поэтому понятно чеховское шутивное пожелание: "А Короленке надо жене изменить обязательно, чтобы начать лучше писать" [1, с.195]. Не принимал Чехов и надуманный "трагикомический" финал "Троих" М.Горького: "Что-то удивительно дикое. Если бы написал это не Горький, то никто бы читать не стал" [1, с.178]. В финале этого горьковского произведения персонаж, разувевшийся в буржуазной практике, кончает жизнь самоубийством, что претило жизнелюбу Чехову. Не принимал он и чересчур книжного, анемичного стиля Горького: "У вас слишком много определений". И дальше имитация этого стиля: "Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжеватой бородкой сел на зелёную, ещё не измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь" [1, с.191].

Но Чехова искренне волновала ситуация неизбрания Горького почётным академиком. Чехов, хорошо зная академический устав, не рекомендовал кандидатуру пролетарского писателя в Академию наук, но когда того не избрали, добровольно сложил с себя звание почётного академика.

О таких свидетельствах последовательной гражданской позиции Чехова Бунин напоминает постоянно, настойчиво разрушая сложившийся у современников неверный стереотип этого человека и художника. Саркастически перечисляются оценки: "хмурый" писатель, "певец сумеречных настроений", "большой талант", "человек, смотрящий на всё безнадежно и равнодушно". И противоположные им – "чеховская нежность, грусть, теплота", "чеховская любовь к человеку", "его всегда влекли к себе тихие долины с их мглой, туманными мечтами и тихими слезами..." (последняя – Елпатьевского). Короленковские оценки – "простота", "задушевность", "печаль о призраках" – Бунин называет "жалкими словами" [1, с.198]. Упомянутые характеристики пафоса чеховского творчества, вздор, потому что "Чехова влекли сильные и умные люди" (Суворин, например; 1, с.198). С этой высоты, как и с высоты модели воспитанного человека, он оценивал своих современников в художественных произведениях. Расхожий читательский вкус, настроенный на проповедь, чётко сформулированную тенденцию, не прощал Чехову того, что он – "один из самых величайших и деликатнейших русских поэтов... никогда не говорил языком проповедника" [1, с.161], продолжим мемуариста словами поэта Плещеева, не звал "вперёд на бой, в борьбу со тьмой". Бунину очень близка была боль Чехова, которую не понимали современники: "Какой я нытик? Какой я "хмурый человек", какая я "холодная кровь"? Какой я пессимист"?... ..И слово-то противное: "пессимист"... [1, с.162].

Очень близко бунинскому восприятие пафоса чеховского творчества в современном зарубежном чеховедении. Витторио Страда, пожалуй, как никто до него, определил основную суть художественного новаторства Чехова: "поэт "переходного состояния", перехода от тусклой, засасывающей жизни к жизни

свободной и ясной: писатель, обвинявшийся в отсутствии идеалов, явился носителем самого универсального идеала русской литературы- идеала цивилизации, который до него с такой ясностью переживался только Пушкиным" [8, с.54, 59].

Почти по-бунински (это уже констатировалось) В. Страда определил идеал Чехова: "точка зрения" его повествования – это абсолютная духовная свобода, одновременно классическая и христианская, освобождение от всякого порабощения, которое он познал, так же как и его герои" [8, с.54, 59]. Совпадают с бунинскими и многие другие выводы западного русиста: Чехов "не дал подчинить себя мифологии, и прежде всего психологии, революционно-радикальной интеллигенции", "умел быть один... всегда находил силы расставаться даже с близкими людьми, если ценой компромисса была его нравственная свобода" (Бунин: С. 161; 194, 203, Страда: С.65). Короче, бунинские оценки творчества Чехова пока больше востребованы зарубежной русистикой, чем отечественной.

Роднило Бунина с Чеховым почти идентичное понимание психологии и техники творчества: пристрастие к наблюдениям над жизнью [1, с.191], лаконизм, чёткость деталей, "постоянная жажда наивысшей простоты" [1, с.156], постоянное писательское трудолюбие, "художественная атмосфера" (чеховский термин; 1, с.196), ненависть к "высоким" словам, к неосторожному обращению со словом" [1, с.205-206], выдумывание художественных подробностей, которые, по признанию мемуариста, больше всего сближало его с Чеховым [1, с.207].

Нередко упоминаются произведения Чехова, которые произвели на мемуариста яркое впечатление, или заслужили резкую критическую реакцию его (это прежде всего драмы, за исключением "Чайки"). В таких упоминаниях и первый читательский восторг ("Купил на станции "Пётрские рассказы"... в 1887 году, читал не отрываясь"; 1, с.192), и предположения о творческой истории отдельных произведений ("Студента", "Святых гор", "Архиерея" и др.; 1, с.147), "Унтера Пришибеева", "Дочери Альбиона", "Егеря" и др.; 1, с.148), и восхищение богатством жизненного опыта писателя: "какой у него был разнообразный жизненный опыт... Я перед ним мальчишка, щенок... Ведь до тридцати лет написаны "Скучная история", "Тиф" и другие, поражающие житейским опытом его произведения" [1, с.171], и определение места отдельных его произведений в творческом наследии писателя, а то и в истории литературы. Высоко оценены рассказы "Гусев" ("первоклассно хорош"; 1, с.170), "Студент" (воспроизведена чеховская оценка: "самый любимый мой рассказ"; 1, с.162), "Убийство" ("всё-таки необыкновенно замечательный рассказ"; 1, с.216), повестей "Мужики" и "В овраге" [1, с.188, 198]. Повесть "В овраге" котирировалась мемуаристом как "одно из самых замечательных произведений... во всей всемирной литературе". Это отчасти и потому, что в нём концепция "мужицкой" жизни не расходилась с бунинской. Чеховская повесть, в которой заметна несомненная перекличка с библейской книгой Иова, мажорнее бунинской "Деревни": "Чехову дано было написать в ... Липе с младенцем почти видение евангельского оттенка" [9, с.367-368, 394].

Резкое критическое отношение к "Вишнёвому саду" вызвано заметным расхождением тональности конфликтных ситуаций и художественного воплощения персонажей в этой лирической комедии с бунинским видением трагической обречённости судьбы нации в начале XX века. Гораздо лучше Чехова, по личному опыту зная топографию и последышей дворянских гнёзд (исследователи полагают, что, работая над "Вишнёвым садом", Чехов частично пользовался "дворянским" опытом молодого писателя, его рассказами о поместной жизни; [10, с.248-250]), мемуарист не прощал ему прежде всего "топографических" ошибок: "вопреки Чехову, нигде не было в России садов *сплошь* вишнёвых: в помещичьих садах бывали только *части* садов... где росли вишни, и нигде эти части не

могли быть опять-таки вопреки Чехову, как раз возле господского дома, и ничего чудесного... нет в вишнёвых деревьях, совсем некрасивых, как известно, корявых... (курсив Бунина. – В.Л.; 1, с.209). Суровому реалисту Бунину казался ложным пафос, с каким персонажи-дворяне обнаруживали своё мироощущение. Гаев "постоянно бормочет среди разговора с кем-нибудь чепуху, будто бы играя на бильярде". Вроде бы и непрактичная Раневская со всей суммой, вырученной за сад, ни гроша не оставив любимой дочери, спешит в Париж к любовнику, предварительно закатывая истерику по поводу гибели "изумительного сада". Нищая, ограбленная матерью дочь патетически её утешает обещаниями насадить "новый сад роскошнее этого". Студент-недоучка Трофимов ("в некотором роде "Буревестник") ориентирует всех на яркую звезду, "которая горит там вдали!", зовёт не отставать от него [1, с.209-210].

Бунин не понял тонкой иронии Чехова, того, как тот изящно вскрыл никчемность дворянских краснабаев, проступающую за ложной патетикой их речей, взбалмошностью поступков, как и тех, кто претендует на роль новых хозяев и устроителей жизни в России. Цена преобразовательской поспешности – гибель конкретного человека, слуги Фирса ("человека забыли..."). Впоследствии, правда, мемуарист повинился: "Но всё же я неправильно писал о его (Чехова. – В.Л.) пьесах" [1, с.198].

Лучшие, по мнению мемуариста, произведения Чехова перечислены в финале книги по годам их создания. Симптоматично, что в списке этом не названы произведения, чаще других поминаемые в "прогрессистском" советском литературоведении, – "Анна на шее", "Человек в футляре", "Крыжовник", "Новая дача", "Невеста". Бунину претили даже слабые рецидивы тенденциозности, воспринятые от классического XIX века, – социальная критика и розовое провидчество.

Бунинский перечень лучших чеховских произведений может стать сюжетом большого исследования "Чехов и Бунин", несмотря на то, что ряд шагов, и серьёзных, в этом направлении уже предпринят (основные работы названы в начале статьи). Оно за рамками этой работы. Можно обратить внимание только на то, что перечень произведений открыт "Дочерью Альбиона" и завершён "Архиереем". В первом рассказе (1883) – резкая сатира на бездуховное русское барство, не ведающее элементарной человеческой культуры, приличий, погрязшее в растительный, животной, бездеятельной жизни. В "Архиерее" (1902) – восхищение героем деятельным, поистине духовным, не только по сану иерарха православной церкви, а по сути мировидения, активного участия в жизни, профессионального исполнения своего дела, поэта его, поэтому возмущённого массовидными нелепостями российской действительности ("народ казался ему грубым... семинаристы и их учителя необразованными, дикими"). Особенно угнетали архиерея всеобщая несвобода, рабство духа, раболепие перед чинами. Короче, преосвященный Пётр наиболее соответствует той модели воспитанного человека, которую молодой доктор Чехов предлагал своему брату Николаю... Б.Зайцев в книге о Чехове ссылается на слова Бунина о том, что автор рассказа в образе героя "слил черты одного таврического архиерея со своими собственными" (выделено мною – В.Л.[9]). В выделенном фрагменте признана автобиографическая основа чеховского образа.

Эволюция Чехова-художника – трудный, тернистый путь от отрицания косного, сорного, бездуховного в жизни, достойного не только юмора, но и беспощадного сатирического обличения, к утверждению героев, ориентированных на горный свет христианских ценностей, соотносена в книге Бунина с духовным становлением Чехова-человека. Концепция Чехова-человека, неподражаемой личности – от простонародной наследственности через постоянную работу над собой, шлифовку

к высотам, аристократизму духа, утонченности, изяществу манер, безукоризненному совершенству к финалу жизненного пути. Вряд ли целесообразно искать в художественном тексте Бунина традиционного для русской литературы XIX века положительного героя? Ведь сказано, и не одним литературоведом о Бунине: “не идут ли от него генетические тупички?” [6, с. 450]. Но своими мемуарными книгами о Толстом и особенно о Чехове Бунин опровергает это расхожее мнение” прогрессистского” литературоведения. Образ Чехова – в целокупности человека и художника – в творческом наследии Бунина явился именно эталоном мажорного жизнеутверждения в мире российской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бунин И.А.** Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худ. лит, 1988. – Т.6
2. **Бабореко А.** Чехов и Бунин // Литературное наследство, 1960. – Т. 68; Чехов в переписке и записях Бунина (новые материалы) // А.П. Чехов. Сборник статей и материалов. – Симферополь. Крымиздат, 1962.
3. **Барковская А.** К вопросу о творческих связях Бунина с Чеховым // Филологический сборник. Вопросы литературоведения. Минский государственный педагогический институт им. А.М. Горького. – Мн., 1966.
4. **Газер И.** А.П. Чехов и И.А. Бунин // Сборник статей и материалов. Лит. музей им. Чехова. Вып. 3. – Ростов, 1963.
5. **Гольдин С.Л.** К вопросу о литературных связях И.А. Бунина с А.П. Чеховым // Учёные записки Орехово-Зуевского педагогического института. Вып. 3. – М., 1958. – Т. IX.
6. **Лакшин В.Я.** Чехов и Бунин – последняя встреча // Пять великих имён. Статьи, исследования, эссе. – М.: Современник, 1990.
7. **Полоцкая Э.Я.** Чехов в художественном развитии Бунина // Литературное наследство. – 1973. – Т. 84. – Кн. 2.
8. История русской литературы XX век. Серебряный век. – М.: Литера, 1995.
9. **Зайцев Б.** Далёкое. – М.: СП., 1991.
10. **Рынкевич Вл.П.** Путешествие к дому с мезонином. – М.: ХЛ, 1990. – С. 248-250.